важности этой системы у Розанова; свои же рассуждения и мысли на тему философии истории Розанов не систематизировал, ограничиваясь отдельными заметками, разбросанными по разным произведениям. Одним словом, при значительной общности интересов, каждый из них сохранял собственную индивидуальность в идейно-теоретических вопросах, что и объясняет не гаснущий со временем интерес к ним обоим как выдающимся представителям отечественной философской традиции второй половины XIX – начала XX веков.

1. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872 — 1891) — М., Республика, 1996 — 799 с.
2. Николюкин А. Н. Розанов — М., Мол. гвардия, 2001 — 511 с.
3. Осьмачко С. Г. К. Н. Леонтьев и В. В. Розанов // Ярославский педагогический вестник — 2011 - №2 — Том 1 (Гуманитарные науки) — с.33-43
4. Розанов В. В. Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях — М., Республика, 1996 — 702 с.
5. Розанов В. В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев — М., Республика, 2001 — 477 с.
6. Розанов В. В. Уединённое — М., Политиздат, 1990 — 543 с.
7. Сивак А. Ф. Константин Леонтьев — Л., Изд. Ленингр. ун-та, 1991 — 88 с.

Олешкова А.М.

Идеология в интерпретации С. Жижека

*Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт
(филиал) Российского государственного профессионально-педагогического
университета
(Россия, Нижний Тагил)*

doi: 10.18411/lj-06-2020-245

idsp: ljjournal-06-2020-245

Аннотация

В статье анализируется подход словенского философа Славоя Жижека к идеологии в контексте концепции постмодернизма и пост-современности. Современное общество развивается в русле разрыва, динамического неравновесия между абстрактом и фактом, реальностью и реальным. Состояние разрыва между ключевыми основаниями социальной системы неочевидно. Идеология как следствие языка власти и проявление символического направлена на визуальное сокрытие разрыва. Сложность и действенность механизма идеологии особенно рельефно описана в контексте фрейдизма и марксизма. Эвристический потенциал данных теорий обогатил С. Жижек. Отдельное внимание уделяется кинематографическому анализу, предпринятому С. Жижеком, и, в частности, концепту «матрица», который представляет на наш взгляд модель идеологии.

Ключевые слова: идеология, киногоид, матрица, язык, власть, насилие, символическое насилие, субъективное насилие, объективное насилие.

Abstract

The article analyzes the approach to ideology offered by Slovenian philosopher Slavoj Žižek whilst putting it in a broader context of postmodernism and post-modernity. Modern society develops in the gap of the dynamic imbalances between fact and abstraction, reality and the real. The state of the gap between the key foundations of social systems is not obvious. Ideology as a consequence of the language of power and the manifestation of symbolism is aimed at concealing this gap. The complexity and effectiveness of the ideology mechanics was well described in the context of Freud-Marxism. However, the heuristic

potential of those theories was tremendously enriched by S. Žižek. In this particular instance, special attention is paid to the cinematic analysis undertaken by S. Žižek, and to the concept of "matrix" which, in our opinion, represents ideological model.

Keywords: ideology, movie guide, matrix, language, power, violence, symbolic violence, subjective violence, objective violence

Тексты Славоя Жижека представляют особую сложность для читателя, ищущего академическую завершенность и однозначные выводы. Но несмотря на непривычную манеру изложения, представляется, что, во-первых, в работах автора есть четкие методологические основы, которые можно проследить в целом ряде трудов и, во-вторых, их можно применить к разным социокультурным ситуациям. Подходить к текстам Жижека нужно со знанием того, какие теории оказали влияние на него самого: как в отношении выработки собственной философии, так и в кристаллизации политической позиции, отражающей субъективную заинтересованность автора в логике интерпретации современного мира и законов его развития.

Синтез идей Лакана и Маркса определил особенность философии Жижека, сформировал оптику, через которую он смотрит на проблемы XXI века. Мы помним, что Александр Пятигорский назвал марксизм и фрейдизм концепциями, которым, с одной стороны, трудно отказать в логичности и непротиворечивости, с другой – они склонны к редукции [5], следовательно, все многообразие жизни обе теории объясняют слишком просто и схематично. Однако синтез этих двух схем более рельефно позволяет проанализировать генезис и функционирование власти на разных уровнях.

Насилие далеко не всегда является зримым феноменом, сама сущность социального, политического, экономического и даже культурного мироустройства предполагает иерархию, структуру и воздействие. В этой связи любое проявление культуры, традиционно интерпретируемое в положительном духе, может быть рассмотрено в категориях насилия. Насилие может способствовать не только разрушению, но и сохранению порядка. Насилие становится самой нормой, благодаря которой возможны социальные и любые иные связи. Самым зримым в разновидностях насилия Жижек называет субъективное насилие, которое всегда заметно и порицаемо (убийства, войны, теракты). Другим видом является символическое насилие, которое реализуется в языке и речи. Имеются ввиду не только явные варианты ненавистнической речи, оскорблений, агрессии, но смысловая конструкция любого дискурса как такового, который по определению насаждает транслируемый смысл всем тем, кто его, дискурс, в данный момент времени воспринимает, т.е. фактически вынужден воспринимать [4, с. 5, 6]. Самой изощренной и скрытой формой насилия является объективное, системное насилие. Для Жижека это «метафизическая пляска капитала» [4, с. 15]. Опасность последнего проявления насилия в том, что оно не видно, оно растворено в современных социальных институтах, парадоксально, но это является для человека привычными институциональными нормами. Также особое влияние системного насилия – в его безличности и анонимности. Объективное насилие нельзя связать с конкретным человеком, оно не персонифицировано.

Современная социальная реальность представляет собой подвижную субстанцию. Вопрос в том, когда она такой не была. Антагонизм как состояние социальной системы описан еще Марксом, а сама идея неравенства, как своего рода культурная норма, отмечена еще античными авторами. Каждый субъект может по-своему справляться с «травмирующим агностицизмом»: Жижек приводит в пример исследование Леви-Стросса, который описывает как трактует свое пространство индейское племя, в котором есть две подгруппы [3, с. 395]. Стоит вспомнить и триаду Лакана «символическое – воображаемое – реальное». В интерпретации идеологии важным является именно последнее: реальное, которое искривляет символическое. Идеология обладает онтологическим статусом в современной культуре, является ее имманентной сущностью, антагонистическим механизмом которой выступает бунт

против Другого. Однако восстание – это следствие послабления системы [6], поэтому если даже будет достигнуто «дно», этот механизм освобождения невозможен. Но ответ может быть и в том, чтобы ничего не делать [4, с. 186].

Как системное и символическое насилие, идеология скрыта от человека. Отсылки, псевдоинтеллектуальность – крючки, реакция на которые у реципиента должна быть четко определена, в противном случае сюжет (реальность) и субъект, в нее погруженный, не будут «говорить» на одном языке. Жижек приводит в пример фильм «Матрица», повествуя об оригинальном сценарии кинокартины. Например, в тексте есть фраза «Банальное воплощение зла». Зритель, видящий в «Матрице» нарратив виртуальной реальности, блокбастер, не увидит параллель с текстом Ханны Арендт, описывающим ужасы холокоста.

Слишком поверхностными выглядят отсылки к восточным медитативным практикам, которые остались в оригинальном сценарии. При этом трилогия «Матрица» – совокупность прецедентов для тех, кто посвящен. Неудивительно, что в ней можно «считать» и взгляды Лакана, и воззрения теоретиков Франкфуртской школы, и платонизм, и буддизм, и киберпанк и т.д.

«Матрица» – идеальная идеологическая модель. Она предоставляет возможность проследить, как может работать идеологический механизм, в чем заключается сущность идеологии, то есть перед нами и сама модель, и ее реализация. В этом концепте скрывается основная методологическая дилемма, позволяющая двояко охарактеризовать реальность. Либо перед нами метафора, репрезентация (Франкфуртская школа): капитал подчиняет личность, колонизирует ее. Либо в матрице воплощен сам порядок, суть мироздания (Лакан) [3, с. 380]. Если первый вариант – своего рода экстровеитированная культура, отражение того, чем личность не является. То вторая позиция – интравеитирование, эссенциальная составляющая мира. Представляется возможным сочетание обеих позиций.

Тут следует пояснить, что с точки зрения другого мыслителя, философа-постмодерниста Ж. Бодрийера, «Матрица» – также продукт массовой культуры. Она являет собой симптом и фетиш современной технократии. В виртуальном мире нельзя вести речь в категориях реальности. В интервью 2003 г. журналу «Le Nouvel Observateur» Бодрийер высказал недовольство «Матрицей»: в частности, в ней произошло смешение симуляции и иллюзии. Последнее явление хорошо известно человечеству со времен Платона. С точки зрения Бодрийера, виртуальный мир представляет собой симуляцию реальности, куда человечество «сбросило» все негативное, однако подмененная реальность торжествует. Интересно, что, по мнению французского философа, Матрица сама смогла бы снять такой фильм, ведь в системе запрограммировано свое собственное отрицание [1].

Мир как бы очерчен внешней рамкой идеологии. И далее возникает другой вопрос, на сколько сущностной, экзистенциальной является необходимость выхода за ее пределы. Можно пойти еще дальше в своих рассуждениях, ведь идеология может заключаться в вере в то, что за этой декорацией и есть некоторый реальный мир [3, с. 382].

С одной стороны, гиперреальность оказывается нереальной. Но сама реальность опасна для субъекта травмой, которую она в себе содержит. Идеология позволяет человеку бороться с травматической ситуацией [2, с. 52].

Даже осознавая факт иллюзорности идеологической конструкции, она оказывается важнее, значимее для человека. Эффект травмы настолько силен, что человек предпочитает думать, что перед ним истина, даже если это не так.

С другой стороны, Матрицу можно понимать как лакановского «большого Другого», суть действия которого – в отчуждении субъекта в современном мире. «Большой Другой» символизирует неспособность индивида принимать свои собственные решения и определять последствия своих поступков. При этом возможна следующая стадия в этом процессе функционирования идеологической схемы. Если

(или когда) индивид осознает, что «большой Другой» виртуален и иллюзорен, человек ищет компенсацию. «Отчуждение» от Другого сменяется «отделением» [3, с. 385] от него, что по сути ведет к бесконечному воссозданию «большого Другого». Концепт матрицы хорошо отражает эту бесконечную агностицистскую сущность мироздания, которая представлена чередой «реальностей».

Жижек отмечает, что Реальное в трактовке Лакана имеет двойное значение: референт, который следует скрыть, и экран, который скрывает, искажает референта [3, с. 393].

Помимо восхождения к травме, психоаналитическая основа взгляда Жижека на идеологию может быть извлечена из образа «отцов» в другой кинокартине, анализируемой словенским мыслителем: «Шоу Трумана». С одной стороны, в сюжете есть биологический отец героя, благодаря которому становится возможным выйти за границы иллюзии. С другой стороны, присутствует и «реальный» отец, который символизирует параноидальность и манипуляцию [3, с. 382], он как бы защищает героя, но действует в строго ограниченном пространстве идеологии.

Ограниченное пространство и законы, по которым оно существует, определяет ряд проблем, с которым столкнулось современное человечество: политические фрустрации, свойственные большинству, теории заговора [3, с. 390], возникшие как единственный механизм объяснить необъяснимое, опять же являясь реакцией на травму реальности.

Выявляя парадоксы либерального подхода, отмечая потребительство как одну из составляющих современной жизни, Жижек описывает идеологию как экран, спонтанно возникающую преграду между субъектом и травмой реального. Языковое, системное воплощение нормы выражено в идеологии. Через язык, речь идеология обуславливает все возможные варианты интерпретации социокультурного пространства.

Жижек один из тех мыслителей, который не только вывел философию в публичное пространство, при этом не утратив академизм изложения, но и являет собой образец мыслителя, реагирующего на актуальную, современную ему ситуацию. Для философского анализа это очень важно. Подвергая осмыслению отдельные события, Жижек формирует метапредметный нарратив, в котором описывается универсальный социокультурный механизм, определяющий облик современного общества.

1. Жан Бодрийяр о «Матрице» // Скрытый смысл [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--i1abedsdbf3gbd.xn--p1ai/blog/zhan-bodriyay-o-matrice> (дата обращения 17.05.2020).
2. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал. 1999. 236 с.
3. Жижек С. Киногид извращенца : Кино, философия, идеология: сборник эссе / Славой Жижек ; предисл. А. Павлова ; пер. с англ. Екатеринбург : Гонзо, 2014. 472 с
4. Жижек С. О насилии. М.: Издательство «Европа», 2010. 184 с.
5. Свободный философ Пятигорский [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/25303690.html> (дата обращения 14.05.2020).
6. Славой Жижек: «Революции не происходят, когда достигнуто дно» // Sensusnovus [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sensusnovus.ru/idea/2017/11/02/25635.html> (дата обращения 17.05.2020).

Сабилов А.Г.

Реальное и иллюзорное в проктопии Э.Тоффлера о будущем образования

*Казанский федеральный университет, Елабужский институт
(Россия, Елабуга)*

doi: 10.18411/lj-06-2020-246

idsp: ljjournal-06-2020-246

Аннотация

В статье анализируется прогнозная модель будущего образования в проктопии Э.Тоффлера, выявляется степень ее реальности и иллюзорности, рассматривается